

тиях XVI в., вызвал исторические ассоциации. Нужно, однако, остерегаться, чтобы не впасть в модернизацию, вкладывая в пародию царского титула прямое сатирическое и историческое содержание. В XVII в. такая пародия могла быть простым балагурством, смехотворной присказкой. В шутовских действиях и речах пародирование царя-владыки имело древние традиции и значительно более сложную подоплеку, чем простое антиправительственное выступление.⁹² Что «котовий» титул мог иметь самое безобидное смехотворно-сказочное звучание, подтверждает сказка «О Сизом орле», где в избе у бабы-яги «кот Еремей казанский, разум астраханский, ус усастерской песни поет, сказки сказывает».⁹³

Верно, однако, и другое. В гравюрах конца XVIII—начала XIX в. царское положение кота-владыки подчеркивалось названием мышей, представителей разных народов, выходцев из разных мест Российской империи (мышь татарская, уральская, охтенская, украинская и др.). В такой трактовке притча получила достаточно конкретный географический, а тем самым и политический адрес. Наиболее полно это выражено в гравюрах на меди конца XVIII—начала XIX в., здесь с наибольшей подробностью разработана также тема жестокости кота: среди мышей есть обиженные и покаленные.

Таким образом, перед нами редкий для демократической литературы и гравюры пример эволюции смехового сюжета. Применяя термин интересной, но спорной статьи М. И. Стеблина-Каменского,⁹⁴ можно сказать, что это эволюция от «ненаправленного» смеха к смеху «направленному», к осмеянию, имеющему точный адрес. Ранние гравюры — произведения XVII—начала XVIII в. являются характерным образцом балагурного, глумливого смехотворения, того, говоря словами М. М. Бахтина, «смеха на миру, где смеются все и надо всем, включая и самих „смехотворцев“». Им полностью чуждо появившееся в новое время обличение, «отрицающий смех», который ставит себя вне осмеиваемого явления, противопоставляя себя ему, причем смешное отрицательное становится частным явлением.⁹⁵

Время возникновения позднего варианта второй редакции картинки о погребении кота, особенности развития ее сатирического содержания требуют специального исследования. Предварительно нужно отметить, что, хотя в 1820-е гг. в определенных кругах картинку связывают с Петром I, гравюра и в этот период не ста-

⁹² Панченко А. М. Смех как зрелище. — В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси, с. 164—165.

⁹³ Ровинский Д. А. Народные картинки..., т. 4, с. 157. — Сказка, по-видимому, заимствует прозвание кота из народной картинки, дает ему фольклорную интерпретацию с повтором корня: «ус усастерский... сказки сказывает».

⁹⁴ Стеблин-Каменский М. И. Апология смеха. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1978, № 2, с. 149—157.

⁹⁵ Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья. М., 1955, с. 15.